

**С. Т. Р и х т е р**

**МЫСЛИ И СУЖДЕНИЯ  
О МУЗЫКЕ И О ЛЮДЯХ**

**МОСКВА – 2006 г.**

### **Рихтер С.Т.**

**Мысли и суждения. О музыке и о людях.**

Неожиданная встреча с сокровищницей мыслей, впечатлений и замечаний Маэстро, без сомнения, доставит непередаваемое удовольствие и невыразимую радость читателю. Это настоящий сборник *подлинных* мыслей великого Мастера.

Очень важны отзывы Маэстро, касающиеся современной манеры исполнения произведений и нынешнего отношения к искусству (имеем в виду как исполнителей и потребителей, так и шоу-предпринимателей). Злободневность и универсальность этой проблемы нуждается в достойном общефилософском выражении и осмыслении.

© Концепция, составление, общая редакция: П.А.Гелева, 2006 г.

## ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Работа, выпускаемая нами в свет, надо полагать, говорит самоё за себя и не нуждается ни в адвокатах, ни в оправданиях. И всё же, читателю, может быть, будет интересно узнать, как она появилась. Скажем прямо и сразу: мы никак не планировали создать настоящее произведение – оно возникло само собой, без всякого понуждения с нашей стороны.

Толчком к его появлению послужил просмотр фильма «Непокорённый», который мы проштудировали весьма внимательно с карандашом в руках. В результате возникло 36 афоризмов Маэстро, которые и составили костяк для дальнейших изысканий, о чём нам, правда, тогда ещё не было известно.

По прошествии незначительного времени в руки нам, опять-таки без всяких стремлений с нашей стороны, попали рихтеровские дневники. Неожиданная встреча с сокровищницей мыслей, впечатлений и замечаний Маэстро доставила не только непередаваемую и невыразимую радость, но и стала могучим импульсом к возникновению настоящего сборника *подлинных* мыслей великого Мастера.

Таким образом, наша работа ни в коей мере не претендует на самостоятельность и не является какой-то бесцеремонной попыткой отодвинуть упомянутые источники в тень или как-то соперничать с ними. Напротив, будучи лишь их квинтэссенцией, она скромно отходит в сторону, ибо её назначение — только пробудить интерес читателей к прекрасным первоосновам.

Быть может, кто-то и не склонен придавать этому значения, но мы считаем своим долгом напоследок сказать, что в процессе работы над текстом мы ощущали явственный оккультный *rappor*t, духовную связь с автором «Мыслей».

Читатель может быть уверен, что мы не занимались отсебятиной и донесли до него не только дух, но и букву рихтеровских высказываний. Единственным серьёзным отступлением была подача отрицательных, критических материалов, касавшихся современного исполнения произведений и нынешнего отношения к искусству (имеем в виду как исполнителей и потребителей, так и горе-шоу-предпринимателей). Мы воздерживались здесь от перехода на

личности (*не до того уже!*), а шли путём обобщения, так как злободневность и универсальность этой проблемы нуждается в достойном общефилософском выражении и осмыслении.

*П.А.Гелева*

*6 февраля 2006 года*

## **ВОТ ТАК!**

Есть что-то олимпийское в том, чтобы с высоты оглядываться на свою жизнь и на всё, что было.

Почему люди всё забывают? Потому что люди совершенно не думают, не умеют сосредоточиться. Это общая для всех беда.

Бывает кто-то что-то спрашивает, я начинаю объяснять, а ему уже неинтересно. Равнодушие.

Секрет поразительной памяти только в одном: запоминать всё интересное!

Стремление к совершенству и честный труд приносят свои плоды. Не сразу, конечно, но медленно и верно.

Всё надо делать понастоящему, с уважением к тому, что делаешь.

Естественно делать одно дело и хорошо делать до конца.

Как счастлив, должно быть, человек, который почти всегда доволен собой. Думаю, это также признак хорошего здоровья. Но если бы он был скромнее, был бы ещё счастливее.

Аристократизм – это и есть простота и естественность.

Бездна трудностей фатально сопровождает работу ансамбля. Да здравствует индивидуализм!

Вообще ревность во всех её проявлениях считаю настоящим *грехом* и могу сказать про себя, что лишён этого порока.

Быть болезненно ревнивым к успехам других – это действует губительно, ибо из-за этого всегда чувствуешь себя несчастным.

Иметь собственное мнение – это хорошее качество, и пусть после этого сколько угодно обвиняют в «индивидуализме».

Человеку очень прямому, лишённому черт дипломатии, абсолютно веришь – он вам скажет всё в лицо.

Как это хорошо, когда говорят смело правду в глаза (я не всегда умею это).

## О РУТИНЕ

Никогда не обращаю внимания на житейские треволения и говорю себе, что весь этот вздор когда-нибудь кончится Божией милостью, что не стоит переживать, придавать этому значение и что, замкнувшись в себе, мне удастся преодолеть отвращение.

В жизни царят тоже принципы... утверждающие бездействие.

Слишком часто возникает ощущение запущенности культурной жизни. Всё суконно, официально, бездушно.

Человечество не находит времени и охоты подниматься часто на духовные высоты. Все ведь так заняты, и потом все больше всего на свете любят разговоры из пустого в порожнее, а помолчать – их приходится заставлять.

Власть традиций – какая это сила!

Жалко времени, которое уходит на бесконечные застолья. Я стараюсь их избегать по мере возможности, но ведь вежливость, этикет... Как красиво, как вкусно, как удобно. Это должно быть иногда, а не всегда.

Боже, как я ненавижу юбилеи! Потом всякие поздравления, надо улыбаться, и чувствуешь себя в весьма глупом положении.

К сожалению, всё хорошее забывают, а привычное среднее помнят.

## О ПОЛИТИКЕ

Политика никогда не интересовала меня, я никогда не имел ни малейшего отношения к этому занятию, вызывающему во мне чувство отвращения.

Я никогда не читаю газет – проку от них никакого, помимо, оне только пальцы пачкают у тех, кто их читает. Обо всём, что в них пишется, я узнаю из разговоров.

Не слишком я долюблива концерты, устроенные политическими деятелями. Все эти фразы, «культура сближает народы», «музыка помогает взаимопониманию разных стран» и т.д. и т.д. отдают некоторой фальшью и кокетством. Поэтому я без удовольствия посещаю эти официальные сборища.

Тлетворное соседство искусства с политикой подпортит любое произведение.

Прекрасный концерт прекрасного певца – и на этом концерте всего лишь около ползала публики... Французы не любят пение? Нет, дело не в этом, всё ещё хуже. Они все сидят у телевизоров в ожидании результатов выборов президента! Вот это интеллигентный народ!?! Как будто от того, что они смотрят в это отвратительное окно, что-то изменится. Помимо, это показывает полное падение нравов нашей современности.

Если бы я не увидел Америку, это пошло бы мне только на пользу. Конечно, в Америке превосходные оркестры, художественные галереи и коктейли, но грохот, рыночная культура, реклама и язык! В Лондоне я тоже никогда не чувствовал себя понастоящему уютно, но язык, на котором там говорят, – кстати, он мне тоже не очень нравится – звучит всё же приятнее американского жаргона.

## **И ВСЁ ЖЕ**

Прочим средствам передвижения предпочитаю машину: в машине ты свободен, в машине всё зависит от тебя, можно остановиться где угодно, сделать фотографии, приглядеться к пейзажу. В поезде же, а тем более в самолёте – ты пленник, вынужденный подчиняться.

В старых любительских фотографиях всегда есть своя прелесть, конечно, если их не чрезмерно много или если они сопровождаются интересным текстом.

Как же можно, чтобы что-то пропадало? Ведь кусок хлеба или сахара, выкинутый вами, будет мотаться за вами в аду.

Нельзя ни в коем случае забаловывать детей.

## ОБ ИСКУССТВЕ И ПРЕКРАСНОМ

Как воспитать художественный вкус? Как учить воспринимать живопись и другие искусства с малых лет? Очень просто: ребёнку надо показывать *хорошее*.

Архитектура не может быть человечна, разве только барокко или рококо. Красота архитектуры – другая, высшая, само совершенство.

Письма нельзя писать нетворческие, тогда это вообще ненужно. В каждом письме должно быть нечто особенное.

Нет смысла читать произведение, если его не хочется прочитать пять раз.

Один просмотр фильма, одно прослушивание произведения, однократное чтение литературного произведения не может дать полного представления о них, так же, как нельзя за один раз смотреть более пяти картин.

Вообще, к сожалению, о произведении часто судят по его исполнению. Плохо исполнено – плохое сочинение, хорошо – хорошее. Это, конечно, досадно.

Какая же фантазия бывает у творцов искусства! Это смесь кошмаров в восхитительных садах. Это красота рядом со смертью, и всё это реальнее, чем наша жизнь.

Музыкальные критики говорят много, даже немного слишком, и как все, кто много говорит, сводят настроение на прозаическую ноту.

Чувство верности и благодарности – прекрасное чувство. Но у настоящего искусства другие законы, и преступать их не годится.

Композиторы особенно критичны к композиторам, пианисты – к пианистам.

Конечно, искусство балета не в состоянии передать то, что есть в музыке, и я каждый раз удивляюсь несовершенству этого искусства.

Как я не люблю балет. Это такое несостоятельное искусство. Когда хорошая музыка, балет не дотягивает до неё – с средненькой ещё кое-что получается.

## **О МУЗЫКЕ И КОМПОЗИТОРАХ**

Музыка – это ошеломляющая печаль одиноких нот и всплески звуков, которых нельзя вообразить, пока не услышишь.

Музыка – она ведь хлеб насущный для нашего слуха и души. Слушать, привыкать, любить и ценить – и тогда не будет скучно (чего боятся многие), а будет спокойно на душе. Такой мой скромный совет.

Есть записи, которые можно без конца слушать, всё время находишь новые детали. Думаю, что далеко не все это делают, и те лежат у них на полке несколько бессмысленно. Ну что ж? Люди тяжелы на подъём.

Как угощение... также музыка... своего рода дисциплина...

Слушать прекрасную музыку как нечто само собою разумеющееся – с этим, мне кажется, следует бороться. Ведь это не просто удовольствие даром, а результат интеллектуальной работы гениального музыканта (композитора или исполнителя). Это следует уважать и понимать.

Мне всегда казалось, что музыка, созданная для игры и слушания, в словах не нуждается – всякие толкования по её поводу совершенно излишни.

Настоящая музыка всё ставит на своё место.

Сочинения, слишком излюбленные публикой, иногда много от того теряют.

Сколько хорошей музыки мы не знаем!

Я думаю, что полная невозможность запомнить и хотя бы напеть какое-то место не говорит в пользу музыки.

Почему же вся плохая музыка так похожа между собой!

Есть музыка, которую следует класть публике ложкой в рот, иначе она ведь не поймёт.

Но классическая музыка не нуждается в пропаганде!

Монтеверди с его необычными гармоническими поворотами и с его свежестью. Это замечательно во всех отношениях.

Бах в славословии не нуждается. Музыка Баха требует не столько внешнего блеска, сколько больших глубин и строгости. То, что исполнитель не делает повторения, не могу простить. Значит, недостаточно любит.

Баха надо слушать, это даже хорошо с гигиенической точки зрения. Современные люди очень тянутся к этой музыке и высоко возносят её. Она им, вероятно, очень нужна, как контраст со скудной действительностью.

Музыку Баха можно слушать каждый день, только, пожалуй, это будут уж слишком богатые роскошью дни – и может быть незаслуженные.

Мне кажется, что в каком-то смысле Генделя труднее играть, чем Баха. Чувствую, что у публики запись моих генделевских сюит имеет очень сомнительный успех, что, конечно, не выгодно для продавцов. А почему? Уважаемая публика (думаю, даже во всех странах) покупает обязательно Баха (в доказательство своей «подлинной музыкальности» и в силу привычки). А Генделя она как-то не берёт в счёт или просто забыла про него. То ли было во время их жизни? Было как раз наоборот. Гендель разъезжал в каретах, и его чествовали как короля, а Бах скромно играл на органе в своей Thomaskirche.

Музыка Моцарта ангельская и блестящая в своём роде.

Я нахожу более свежести и неожиданности у Гайдна, которого предпочитаю Моцарту, во всяком случае в отношении фортепианных сонат.

Музыка Гайдна – вот где хлеб насущный для нашего слуха и нашей музыкальности. Слушать, и не раз; привыкать, любить и ценить, и тогда ведь не будет скучно, а будет спокойно на душе.

А что сказать про Шуберта? – он есть, и это большое счастье для нас. Несмотря на свой сравнительно скромный музыкальный язык, он всегда становится победителем.

О Шопене нечего говорить, он сам уже всё сказал. Думаю, что исполнение сразу всех прелюдий (24) не следует рекомендовать, так как это слишком уж большая «роскошь» и получается, что из-за высочайшего качества количество обесценивает прекрасную музыку.

Военный оркестр играет Похоронный марш Шопена – какая мерзость!

Берлиоз обладает колоссальной смелостью, и иногда он злоупотребляет ею. Но в «Реквиеме» *нет* – здесь в окончательном результате царствует гармония и равновесие.

Знаю, что Доницетти всегда предпочитает мажор минору, даже в самых трагических местах. Тем более удивительно оркестровое вступление в «Лючии», мрачное как туманы Шотландии и минорное. Доницетти предоставляет певцам целое поле возможностей показать свой голос и мастерство. Думаю – это его главная цель. Однако иногда у него бывают и другие фантазии, например, соло арфы перед первым выходом Лючии. Но из итальянских композиторов этого периода я всё-таки предпочитаю Беллини.

Всегда прекрасна музыка Верди, с ним равняться невозможно, он настоящий рог изобилия.

Понимаю, почему Вагнер так труден для слушающей массы – люди не могут подняться на его уровень – они, к сожалению, слишком ленивы и мелки, а также лишены подлинной фантазии. И вот между Вагнером и людьми пропасть (громдная)...

«Лоэнгрин» – чистый источник музыкально-литературного чуда Рихарда Вагнера. Конечно, все знают, что эта «романтическая» опера собой представляет; но если с самых юных лет имеешь счастье узнать эту оперу во всех её деталях (подобных архитектурным деталям готического собора), то личное преимущество огромно перед другими. Мне в этом случае чрезвычайно повезло, и могу сказать, что я действительно понимаю всё величие этого идеального произведения.

«Лоэнгрин» – это то, что всегда остаётся самым лучшим, и только можно удивляться, что *оно* существует, что оно доминирует над всем, что оно в своей каждой ноте само совершенство, и... что «большинство» не даёт себе труда узнать и понять это.

У Мендельсона моцартовское совершенство, и это настраивает на позитивный образ мысли, фантазии и т.д. Но есть опасность слишком уж успокоиться на этом, как на чём-то самим собой разумеющимся.

Три последние симфонии Чайковского стали до невозможности популярны, однако ничего от этого не потеряли (как иногда бывает со слишком излюбленными сочинениями). Пятая с её темой «судьбы», или может быть чего-нибудь другого, всегда событие. И, конечно, это сочинение не следует слушать часто. Оно должно появляться по праздникам, поскольку само олицетворяет праздник. Праздник радости, праздник горя, праздник откровенности

гениального музыканта... – она в результате «победная» симфония в отличие от четвёртой и шестой. Её последняя часть заканчивается шествием триумфальных колесниц.

Римский-Корсаков... Я без ума от него. Испанское каприччио! Великий Боже! Какое творение, какая сдержанность, какая оркестровка! На языке живописи – это не масло, а пастель либо акварель. Римский-Корсаков написал девять опер, первая из которых, «Иван Грозный» (или «Псковитянка»), – подлинное чудо! Поистине можно говорить о музыке эпохи. Мусоргский и Римский-Корсаков жили вместе и писали за одним столом. Один – «Бориса Годунова», другой – «Ивана Грозного». А «Снегурочка»? А «Ночь перед Рождеством»? А «Сказание о невидимом граде Китеже», своего рода русский «Парсифаль»? А «Золотой петушок»? А «Царь Салтан»? Просто дух захватывает. Меньше мне нравится «Царская невеста», чаще всего исполняемая его опера. Мне кажется, она звучит фальшиво, потому что автор решил подражать Чайковскому, в чём он преуспел, но... это не он. А «Кашей Бессмертной»? Настоящая феерия в духе Стравинского. И Дебюсси, и Равель, и Стравинский – все они его преемники.

«Борис Годунов» – произведение гениальное, лучшая русская опера. Это сочинение стоит на том же уровне, что и музыкальные драмы Вагнера.

Не признаю «Картинок с выставки» в оркестровом варианте, а считаю их первым и лучшим русским *фортепианным* сочинением.

Великолепный Пуччини – какой ослепительный талант, и музыкально и драматургически!

«Манон» Массне и «Манон Леско» Пуччини. Думаю, что эти оперы не надо сравнивать (несмотря на одинаковый сюжет). Каждая имеет свои права и достоинства – это совсем разные сочинения (как «Пиковая» Пушкина и Чайковского).

«Весёлая вдова» Легара – сочинение восхитительное в своей полной бессодержательности. Оно полно игривым обаянием, необычайно лёгким, изящным (венским). Нечто вроде алхимии: из пустого «ничего» образовался драгоценный камень.

Странно, что большинство людей воспринимает Грига как слащаво-сентиментального композитора, когда, по-моему, он скорее суров, как северная природа и сущность.

Григовский концерт я очень люблю и всегда любил. Люблю его за суровость, мужественность, холодное, свежее веяние северного ветра, за птицу (большую, зелёную в начале фортепианной партии II части), поющую на высокой сосне, за полное отсутствие слащавости и за оригинальность.

Почему это Дворжак подвергается сомнению у очень многих, как недостаточно качественная музыка? Во-первых, его не все знают (кроме всех чехов) и так же как Грига (!) причисляют не туда, где его место. А что говорил Брамс? Он ведь не ошибался.

Скрябин – не хлеб насущный, нет, он прекрасное временное опьянение, поэтический опиум и легко разбивающийся хрусталь.

«Море» Дебюсси. Сколько же его можно слушать, видеть и вдыхать его воздух! И каждый раз это как в первый!.. Загадка, чудо воспроизведения подлинной природы, а может быть – магия!

Сколько я ни проигрывал эту пластинку, у меня всякий раз было чувство, что это впервые (а проигрывал я её около ста раз, вульгарно говоря, «до дыр»). Какая редкая удача. Вдохновение поймано техникой, это ведь почти чудо! Не знаю лучшего качества пластинки. А об исполнении нечего говорить – это уникально.\* По-моему, это совершенно такое же чудо,

---

\* Речь идёт о записи в исполнении Роже Дезормьера. (П.Г.)

как... само море!

Вагнер, Шопен, Дебюсси ушли куда-то дальше всех остальных. Если в обычной жизненной цепи сначала – природа, а потом художник, то они, пройдя эту цепь, снова вернулись к природе уже на более высоком и даже недоступном для других уровне. Они победили форму.

Равеля не надо восхвалять, он в этом не нуждается.

Каждый раз, как слышу «Цыганку» прихожу в восторг от этой миниатюры и получаю полное (хотя и несколько мимолётное – очень уж короткая пьеса!) впечатление и удовольствие от этого «шедевра». Последние же такты (наконец с оркестром) доставляют прямо-таки физическое наслаждение. Но не успеешь «развесить уши», как она уже окончилась.

«Болеро» – магическое сочинение, с его бесконечными, чарующими повторениями темы и неожиданной модуляцией в конце. Чудо есть чудо! Каждый раз неповторимый момент гигантского подъёма и торжества ритма. Сколько бы я ни слушал это сочинение, каждый раз это как первый раз. А потом в течение недель Болеро продолжает мысленно звучать внутри, надолго растягивая удовольствие.

В равелевские пьесы невозможно быть не влюблённым. Одно только «но»: у Равеля всё длится не долго, и поэтому печально с ним расставаться.

Все сочинения Пуленка обладают обаянием и изяществом (не без сентимента). Хотя я не считаю его уж таким большим композитором, но любовь к нему французов понимаю и даже слегка разделяю.

Первый скрипичный концерт Шимановского – ну это ли не шедевр?! Какой концерт! Сладостно-трагический голос скрипки среди волшебного сада с райскими птицами... И эта «гениальная» кульминация в конце!\*

---

\* Запись в исполнении Ванды Вилкомирска и Витольда Ровицкого (дирижёр оркестра). (Л.Г.)

Владимир Высоцкий, вероятно, действительно талантлив в своём роде, и толпа за него. Но здесь я никак не могу вибрировать, ни в отношении «музыки» (это просто мусор), ни в отношении слов (это для тех, кто читает газеты). Это мне сверхнеинтересно и несимпатично.

Я не одобряю переложений, за исключением сделанных самим автором. Оригинал, по-моему, всегда предпочтителен.

Почти всем дирижёрам присуще желание показать, что в оркестре всё лучше, отсюда и всякие инструментовки. Считаю это страшной ошибкой. Сочинение должно быть всегда исполнено в оригинальной версии, иначе оно как-то теряет свою подлинность. Если инструментовку делает сам автор, то это другое дело, однако чужая рука здесь действительно не к месту.

Я всегда полагал, что следует освящать музыкантов (многих!), не следующих указаниям композитора и опускающих репризы.

Ненавижу две вещи: анализ и применение власти. Дирижёру не избежать ни того, ни другого.

Я не уверен, что найдётся много хороших дирижёров, не вызывающих чувства ненависти у своих оркестрантов.

Течения в музыке для меня ничего не значат. Только талант. Талант имеет значение, а не разные течения.

Мода, на мой взгляд, и следование моде – это признак самого большого мещанства. Мода провоцирует однообразие. Хотя мода весьма переменчива, но не она приносит с собой нечто подлинно новое.

Всё зависит только от таланта. Талант отказывается следовать моде. Посредственность же чаще всего ей подчиняется.

## ОБ ИСКУССТВЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Что главное в игре музыканта-исполнителя? Прежде всего, следовать тексту. Пропускать его через себя. Но играть композитора. *Его* музыку. Играть *себя* (пусть даже очень талантливо) – гораздо легче.

Когда исполнение не оставляет большого впечатления, слушатель относит это часто в минус произведению.

Исполнитель – ничто или, точнее, не что иное, как зеркало, отображающее партитуру. Он лишь фанатически точный, скрупулёзный читатель партитуры.

Если ощущаешь произведение не как своё, значит получилось.

Надо играть только те вещи, в которые влюблён.

Исполнитель есть в сущности *исполнитель* воли композитора. Он не привносит ничего, чего не содержалось бы в сочинении. Если он талантлив, то приподнимает завесу над истинным смыслом произведения – лишь оно гениально, и лишь оно в нём отражается. Он не должен подчинять музыку себе, но – растворяться в ней.

Музыканту необходима самодисциплина. Нужно играть из самой глубины, ни в коем случае не внешне. А главное, нельзя терять голову во время исполнения. Самодисциплина – это очень важно! Надо играть *сознательно*, хладнокровно и аккуратно, с холодной головой и горячим сердцем; тогда всё хорошо получится.

Удачно можно играть только, когда играешь часто.

Недостаточная подготовка – это бич нынешнего отношения к музыке музыкантов.

Настоящий скрипач весьма строг и требователен к себе. Его можно понять: скрипка такой инструмент, за который уж никак не спрячешься. Я вообще не могу взять в толк, как это возможно играть на этом инструменте.

Нет худшей беды для пианиста, нежели выбрать инструмент, на котором он будет играть. Нужно играть на рояле, стоящем в зале, точно он послан тебе судьбой. Тогда с точки зрения психологической всё становится намного проще.

Я не люблю рояли, я предпочитаю музыку. Я никогда не выбираю рояль и никогда не пробую его перед концертом. Это и бесполезно, и лишает веры в себя. Я доверяюсь настройщику. Если я в хорошей форме, то применяюсь к любому инструменту, но если меня одолевают сомнения, мне это не удаётся. Надобно верить твёрже святого Петра, что пойдёшь по водам. Коли веры нет, тотчас канешь на дно.

Главное, что я ищу в роялях, это возможность сообщить звуку индивидуальность и извлечь крайнее пианиссимо, пианиссимо в наивысшей степени. Да, пианиссимо, по-моему, сильнее всего воздействует на публику.

Думаю, что одержимость и также максимальная требовательность в отношении инструмента всё же мешает настоящему полёту фантазии исполнителя и настоящей его влюблённости в сочинения, которые он так совершенно исполняет. Нет «вдохновения» – может, это понятие вообще ушло из нашей современности. А жаль.

Не редкость, что оркестр под управлением того или иного дирижёра играет безупречно и точно, но абсолютно невыразительно. Никакого чувства; никакой любви к сочинению... Какая жалость!

Типично средний уровень исполнения – это, когда всё на месте. И только. Слушать поэтому довольно скучно.

Как это снижает музыку, когда её играют так, как будто боятся опоздать на поезд.

Станным образом – я давно это заметил – от чрезмерно быстрых и неверных темпов музыка становится *скучной*, это действительно факт. Исполнителям следует серьёзно подумать об этом.

У иного пианиста всё учтено, взвешено, никаких неожиданностей и сюрпризов. Он всё преподносит как на большом подносе, где вы уже заранее знаете, что будет и как будет. Его исполнение безупречно и уравновешено, и никак вас не удивляет, вы находите всё на своих местах. Но чтобы это было понастоящему интересно? – о, нет! Это лишено трепетности, и поэтому слушатель (во всяком случае, я) остаётся холодным.

Театральность представляется мне чрезвычайно важной в музыке, необычайно важно произвести впечатление *неожиданности*. Я знаю многих великолепных пианистов-исполнителей, но у них всё преподносится на блюдецке, известно заранее, что и когда будет подано. Хорошо, чудесно, но... знакомо. Впечатляет же неожиданное, неподвиденное.

Теория, согласно которой «артистичность», т.е. художественная индивидуальность, лишь мешает музыке, это полный абсурд. Дело не в том, что исполнитель должен выпячивать себя, и не в том, чтобы полностью раствориться, а в том, чтобы стать зеркалом композитора, перевоплотиться в него.

Во всяком случае, я играю не для публики, а для себя, и когда мне нравится, то и публика довольна. Моё поведение во время игры связано с самим произведением, а не с публикой или ожидаемым успехом, и если между мной и публикой устанавливается взаимопонимание, то лишь через произведение. Говоря начистоту, хотя и несколько грубовато,

публика мне безразлична. Пусть не обижается на меня. Не нужно понимать слова в плохом смысле. Мне нет дела до публики, я в ней не нуждаюсь. Между ней и мною нечто вроде стены. И чем менее я в ней нуждаюсь, тем лучше играю.

Что труднее всего даётся в живописи? Сделать идеально правильный круг! Но это проще, если делать два круга одновременно и обеими руками. Это в полной мере относится и к игре на рояле: симметрия! Всё должно быть симметрично.

Уверен, что значительные технические трудности вредят здоровью.

Я не отвергаю то или иное сочинение под тем предлогом, что не удовлетворён своим исполнением его на концерте. Исполнитель движется, как мне кажется, не по прямой, а по спирали. Я умею запасаться терпением и без конца оттачиваю и шлифую свою игру, пока не получу удовлетворяющего меня исполнения.

Заниматься с учениками, как я думаю, пустая трата времени. Преподавание – страшная вещь, губит пианиста. Да и как учить других, когда самому нужно учиться и учиться?

Правило: никогда не надо слушать что-то перед собственным выступлением – это приводит к катастрофам.

Исполняя ту или иную, прямо скажем, гадость, артист теряет уважение к искусству и к самому себе.

Мой принцип, что надо играть только те сочинения, в которые действительно влюблён, а не те, которые обязательно «принято» играть.

Мне ненавистно планирование музыкальной жизни. Если у меня есть готовое произведение, которое я хочу сыграть, я согласен играть где угодно, будь то школа или какое-либо другое место, просто так, без гонорара. Сделаю это с радостью,

и никакого значения не имеет, произойдёт это в маленьком или большом зале.

Говорят, будто я люблю небольшие залы. Причина, однако, не в том, что я их люблю, а в том, что большие залы арендуются заблаговременно на длительный срок, а у меня аллергия ко всякому планированию. Я ничего не имею против выступлений в больших залах, но в тот самый вечер, когда меня посещает такое желание, в том самом зале кто-то даёт концерт. И как мне быть?

Я убедился на собственном опыте, что всё запланированное неизбежно срывается! То ты неожиданно заболеваешь, то возникнет какое-либо непредвиденное препятствие. А вот когда получается как бы случайно: «Послезавтра? Согласен, почему бы нет!» или, на худой конец: «Через неделю?» – всё складывается благополучно. Возможно, сегодня я прекрасно себя чувствую, но поди знай, что со мной будет того или иного числа в более или менее отдалённом будущем?

Люблю, когда концерт – неожиданность. Тогда, по крайней мере, люди придут не из снобизма, а чтобы послушать музыку.

## ОБ ИГРЕ ПО НОТАМ

Теперь, когда музыкальное богатство стало необъятным, небезопасно и даже рискованно перегружать голову. Поэтому я играю по нотам.

Совершать подвиги запоминания – какое ребячество, какая суета, в то время как главная задача – тронуть слушателей хорошей музыкой. Косность и рутина ради пустой славы – здесь есть на что сердиться.

Несомненно, видя стоящие перед собой ноты, не так легко чувствовать себя совершенно свободным; этому приходится учиться, нужно время, соответствующие навыки; а потому следовало бы стремиться овладевать ими как можно раньше.

Когда-то я играл исключительно по памяти, но в конце концов отказался от такого исполнения. Да и ради чего забивать себе мозги, когда можно поступить гораздо проще? Это вредит здоровью и отзывается тщеславием. Разумеется, нелегко сохранять столь же полную свободу, когда на пюпитре лежит партитура. Дело не сразу налаживается и требует больших усилий. Зато теперь, когда я приспособился, я нахожу в такой игре множество преимуществ. Во-первых, я никогда не делал различия между камерной и сольной музыкой. Но камерную музыку всегда играют с партитурой. Отчего же играть без партитуры сольную музыку? Во-вторых, при том что нетрудно выучить наизусть одну-другую сонату Гайдна, лучше сыграть по нотам двадцать его сонат, чем ограничиться двумя, исполненными по памяти.

У меня антипатия к слишком часто исполняемым произведениям. Освободив мозг от напрасного труда запоминания, обретаешь также возможность перестать терзать публику и самого себя одними и теми же бесконечно повторяемыми программами.

Невозможно всё сделать, всё прочитать, всё увидеть. Шедевров – несметное множество, а я – воплощение лени и бездеятельности. Я просто пытаюсь привнести немного новизны, играя что-нибудь неожиданное, не то, что играют все.

Кроме того, музыка не вполне свободна от известной доли опасности и риска, так что, когда перед тобою партитура, ты чувствуешь себя в большей безопасности и, следовательно, меньше отвлекаешься.

Наконец, и прежде всего, играть так честнее: перед твоими глазами именно то, что должно играть, и ты играешь в точности то, что написано.

Вместе с тем непрерывное и тесное общение с музыкальным текстом и точными указаниями автора предоставляет меньше возможностей для слишком большой «свободы» и пресловутого «проявления индивидуальности» исполнителя, который терзает публику и разоряет музыку, являя собой не что иное, как недостаток смирения и отсутствие уважения к композитору.

Исполнитель есть зеркало. Играть музыку не значит искажать её, подчиняя своей индивидуальности, это значит исполнять *всю* музыку как она есть, не более, но и не менее того. А разве можно запомнить каждую стрелочку, сделанную композитором? Тогда начинается интерпретация, а я против этого.

Играть по нотам – вот совет, который я охотно дал бы молодым пианистам. Принять, наконец, этот разумный и естественный метод, который поможет вам не быть навеки прикованными к одной и той же программе, но сделать свою жизнь в музыке более богатой и разнообразной.

Надо играть музыку малоизвестную. Так много существует музыки классиков всех времён, которую почему-то не принято исполнять.

Хороша та публика, которая интересуется неизвестными ей сочинениями.

Может быть, я играл всё более раскованно по мере того, как избавлялся от пут существования, от всего лишнего, всего, что отвлекает от главного. Я обрёл свободу, замкнувшись в себе.

У меня могли зародиться сомнения относительно того, удастся ли мне сыграть то, что я слышал, но в отношении любого произведения я всегда с самого начала был уверен, что его следует играть именно так, а не иначе. Почему? По очень простой причине: я внимательно смотрел в ноты. Ничего другого и не требуется, чтобы стать зеркалом содержащегося в них.

Высшая похвала, какую я когда-либо слышал, касалась не моей игры, а моего умения хорошо читать ноты. Думаю, что это было довольно верное замечание.

## О МОИХ ЗАПИСЯХ

Хотя мне и присуща склонность судить строго, своего рода немецкая дотошность, я ведь способен различать, что истинно, а что ложно, в отношении самого себя, что более или менее приемлемо, а что попросту плохо.

Я чаще всего страдаю, когда слушаю себя, и ничего не могу с этим поделать. Слушать свои пластинки следует как можно реже – это распущенность и пустая трата времени.

У меня всегда были трудности с записью. Я вообще не люблю записи, особенно свои собственные. Слушая их, я неизменно испытываю разочарование, ибо слышу именно то, что ожидал услышать, отсутствие свежести, никакого ощущения неожиданности.

Прослушивание моих записей не доставляет мне радости, но их время от времени приходится всё же слушать, так сказать, для ориентации.

Когда демонстрируешь свои новые записи друзьям, они, конечно, хвалят, иначе не бывает... К сожалению.

Демонстрировать свои записи в расчёте послушать, что скажут, – это, конечно, пустое занятие, но в природе человека и его честолюбия. Правда, похвалы у меня почти всегда вызывают отрицательную реакцию, и я начинаю искать, что было плохо.

Все эти похвалы тяготят меня и до сих пор портят мои отношения с публикой.

Странное явление – эти впечатления после прослушивания собственных записей. Первый раз они кажутся неудачными и окончательно портят мне настроение. Потом вдруг (через несколько лет) – о, это совсем не так плохо. Так

было (и вероятно будет) всегда с механическими записями. У них тоже каждый раз меняется настроение, и оне разнo действуют (может быть, иногда оне больны, теперь ведь и предметы заболевают).

Опять слушаю себя... Слушаю, потому что ищущ качество, а не для удовольствия. Это ведь больше работа, и работа часто депрессирующая.

Всё же лучше семь раз проверить и потом отрезать. Поэтому новая встреча с этими записями.

Когда слушаю свою запись – всегда разочарован, поскольку слышу абсолютно то, что и ожидал. Поэтому – нет ощущения свежести, нет неожиданности – досадно...

В последнее время появилось так много моих пластинок, что и не пересчитаешь... Мне это совсем не нравится. Слишком большое количество всегда умаляет всякую ценность.

## КАК СЛУШАТЬ МУЗЫКУ

Можно не только играть, но и слушать удачно или *неудачно* (к сожалению, и это часто бывает по многим причинам).

И тому, кто составляет программу концерта, и слушателю необходимо понимать и помнить, что из-за высочайшего качества количество обесценивает прекрасную музыку.

В целом «сборные» концерты (винегрет) я не слишком долюбиваю (вернее, совсем даже не люблю) – они всегда как-то обыденны.

Моё отношение к конкурсам всегда было крайне отрицательное. Они повергают меня в ужас, ибо обрекают на страдания и участников, и членов жюри. Как можно двадцать раз слушать одно и то же произведение, исполняемое другими? И как не сойти при этом с ума?

Наше внимание на технические трудности, с коими успешно справляется исполнитель, часто заслоняет и мешает истинному восприятию музыки (к сожалению!!!). Это почти всегда так с виртуозными сочинениями.

Я всегда исхожу из очевидной истины, что простое постигается быстро, а на трудное требуется время. Как правило, стоит музыке возобладать, я отдаюсь на её волю, и всё становится гораздо проще.

Определять качество записей – это скучная обязанность, убивающая настоящее восприятие музыки и любовь к ней.

Все эти технические недочёты и недостатки – шумы, треск и т.д. – несколько мне не мешают, если я чувствую, что музыка исполнена хорошо и мне передаётся её настроение.

Если сочинение удачно исполнено, никакая техника не может помешать. Современные слушатели однако придают техническому качеству колоссальное значение. Думаю, что это потому, что любят и *понимают* больше её, чем музыку. К настроению же исполнения они просто близко не приближаются. Это влияние нашего века, века машин и техники. Люди также очутились дальше от природы и настоящих человеческих чувств... и понемножку превращаются в машины.

Досадно, что подлинные шедевры (в том числе и записи) не пользуются заслуженной известностью.

Образцовые записи надо многократно слушать и суметь вслушаться. Учитывая то, что великий артист записал все песни композитора, на это потребуется много времени... И вот опять встаёт роковой вопрос – когда же это всё успеть? Увы... Прекрасного написано слишком много!

Нужно нести музыку тем, кто любит её.

Публика любит концерты в таких местах, где её, кроме музыки, окружает красота.

Иногда бывает, что когда слышишь что-то, чего не ожидал, и в неожиданном месте (в ресторане, например), то впечатление свежее, чем в концерте, где от ожидаемого теряется непосредственность восприятия.

Никогда не надо (хоть краем глаза) смотреть на слушающих. Тут сразу же вы увидите, что кто-то из них (не все, конечно) абсолютно не в состоянии быть внимательным; от усталости или от немзыкальности они начинают клонить голову. На лице написана борьба со сном (отвратительная гримаса), или они просто тихо заснули.

Я являюсь ярким противником телепередач (если это не кинофильмы). Слушать музыку мешает изображение, а смотреть – просто ненужно и неинтересно.

Телепередачи – это какие-то собачьи выжимки. В целом же – свойственная нашему времени «халтура» (интеллигентная). Большой радости не приносит.

Невыносимо гадко и противно смотреть на исполнителей во время музыки. Это мешает слушать и только злит.

Запись по трансляции: смотреть на это – сплошное мучение. Искажённые лица исполнителей так мешают восприятию музыки, что можно проклясть факт изобретения телевизора. Такое просто невозможно допускать – а как хорошо было бы просто прослушать эту музыку в чистом виде.

Зачем смотреть, как играют инструменталисты?! Это абсурд!

Нужно, чтобы музыка приходила чистым и прямым путём. С наилучшими пожеланиями и в надежде, что темнота будет способствовать сосредоточенности, а не нагонять дремоту, я и играю в темноте.

Если играть в полутёмных залах, где лишь смутно вырисовывается силуэт исполнителя, то это не только создаёт совершенно необычную атмосферу, но и избавляет слушателя от бесовского искушения вуайеризмом.

Самое важное, конечно же, хорошо играть – а не мизансцена. Но чтобы музыка доходила до слушателя, непременно должна быть и некоторая театральность, которой столь недостаёт казённой сухости концертного зала.

Концерт должен быть неожиданностью. Вся свежесть восприятия теряется, стоит заранее объявить публике, что её ожидает нечто необычайное. Это мешает ей слушать. Именно

по этой причине я играю отныне в темноте, чтобы отвлечься от всяких посторонних мыслей и дать слушателю сосредоточиться на музыке, а не на исполнителе. Какой смысл глядеть на руки или лицо пианиста, не отражающие, в сущности, ничего, кроме усилий, прилагаемых к исполнению произведения?

Мы смотрим на музыку, и нет ничего пагубнее для неё. Движение пальцев, мимика отражают не музыку, а работу над ней, они не помогают схватить её суть; взгляды, брошенные в зал и на слушателей, разъединяют, отвлекают воображение, вторгаются между музыкой и её восприятием. Поэтому я играю почти в темноте.

## О ПЕНИИ И ТЕАТРЕ

Какое же богатство вокальной музыки сотворили композиторы!

Важно давать толчок фантазии слушающего (особенно слушающего оперу), чтобы он мог представить себе всё действие в идеальном виде, не испорченном дурными постановками театра современными слабыми и наглыми режиссёрами. Я слишком хорошо знаю это досадное до трагического обстоятельство, ведь оно убивает сочинение.

Как часто музыкальное исполнение в опере губит безвкусно современная и сверхпретенциозная постановка. Я не могу одно отделить от другого, и визуальный момент портит мне всю музыку.

На концерте вокальной музыки не редкость услышать, до какой степени пение может доставлять страдание. Не из-за отсутствия голосов, а из-за ужасной манеры исполнения.

Внешность певицы очень много определяет (разумеется, если она хорошо поёт). И ещё одно прекрасное качество – великолепная дикция.

Про Марию Каллас можно ничего не писать – это единственное неповторимое явление в искусстве – это само движение, притом движение повелевающее. Какая же у неё гигантская сила исполнения! Она совершенство.

Все современные оперные режиссёры стараются поразить своими выдумками, которые только портят впечатление от исполняемого произведения.

Постановщиков спектаклей по большей части заботит одно: выпячивание своего маленького «я», а не верное отражение природы музыки и точное следование партитуре.

Безнадёжно испорченная претенциозная постановка легко может загубить музыкально безупречно исполненный спектакль. Сколько раз приходилось мне страдать в опере от подобного вандализма!

В театрах не редкость чудовищные антихудожественные спектакли. Режиссёры – бесноватые идиоты, которые всё растаптывают в грязи своей отвратительной постановки. Таких людей надо «гнать палкой» из искусства.

Идёшь в оперу слушать хорошо знакомую музыку. И что же чаще всего происходит? Разочарование досаднейшее! Со стороны музыки в первую очередь – что, дирижёр боится опоздать на поезд или самолёт? Результат – слов вообще нельзя понять. Певцы, если и могли хорошо исполнить, но в таких темпах – куда там! В них музыка теряет смысл. А постановка? Позорная! Дешёвый лубок, достойный разве что парка культуры и отдыха или детской игровой площадки.

Могут и петь прилично, и оркестр может быть на должной высоте, но... что за разгул безвкусицы, прямо скажем, «какая гадость»! окажется в смысле постановки. Вот так в наше время портят прекрасные сочинения.

Очередная оперная премьера. [*«Риголетто» в Венской опере*]. Дирижёр – торопыга, музыка несётся как во время спортивного кросса. (Какая причина такого бега?) Певцы провели этот кросс на славу, но поют так невыразительно и без всякого чувства, что сочинение (гениальное!) теряет всякий смысл. Постановка – пример запылённой и бездарной рутины. Беспомощность и скучища. В целом впечатление от всего какой-то физической и эстетической неопрятности. Самое же страшное – это публика! Она вопила, перекрывала своими криками (истощными) музыку, вела себя как толпа умалишённых и притом, повидимому, получала от этого большое удовольствие. Не хватало только поставить пулемёт.

В наше время на бездарнейшие сюжеты тратятся колоссальные деньги, и исполнены они предельно добросовестно (прекрасными артистами); а настоящие произведения искусства подвергаются разрушительному произволу режиссёров, не имеющих ни дарования, ни прав. Возмутительно и то, что голосов протеста не слышно. В оперу и драму, повидимому, лучше не ходить.

## КОДА

Всё как-то повторяется: люди, ситуации, места, и иногда кажется, что, может быть, всё так и стоит на месте. А может, это и не кажется, а так и есть. Здесь призадуматься.

Забвение – это наше будущее (а может, оно и прошлое). Может, вообще ничего не надо делать, всё равно всё пойдёт прахом?.. Несимпатично.

Главное – всё зависит от людей, от их желания, а им ведь часто ничего не нужно, лишь бы их оставили в покое.



## **СОДЕРЖАНИЕ**

|                                        |           |
|----------------------------------------|-----------|
| <b>Предисловие издателя .....</b>      | <b>3</b>  |
| <b>ВОТ ТАК! .....</b>                  | <b>5</b>  |
| <b>О РУТИНЕ .....</b>                  | <b>7</b>  |
| <b>О ПОЛИТИКЕ .....</b>                | <b>8</b>  |
| <b>И ВСЁ ЖЕ .....</b>                  | <b>9</b>  |
| <b>ОБ ИСКУССТВЕ И ПРЕКРАСНОМ .....</b> | <b>10</b> |
| <b>О МУЗЫКЕ И КОМПОЗИТОРАХ .....</b>   | <b>12</b> |
| <b>ОБ ИСКУССТВЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ .....</b>  | <b>21</b> |
| <b>ОБ ИГРЕ ПО НОТАМ .....</b>          | <b>26</b> |
| <b>О МОИХ ЗАПИСЯХ .....</b>            | <b>29</b> |
| <b>КАК СЛУШАТЬ МУЗЫКУ .....</b>        | <b>31</b> |
| <b>О ПЕНИИ И ТЕАТРЕ .....</b>          | <b>35</b> |
| <b>КОДА.....</b>                       | <b>38</b> |